

Акмуллинская олимпиада по литературе

1 тур

Прочитайте фрагмент романа «Инок» уфимского автора Петра Алексеевича Храмова.

Мы – Маша, Агарь, Степа и я – впервые шли на встречу с искусством под руководством Елены Григорьевны. Уже в воротах мы все притихли – очень красивый белый дом был словно укутан кружевом инея. В прихожей девочки сняли валенки, и надели домашние туфельки на сером войлоке. Не без волнения прошли мы поочередно в темно-резную высокую дверь. Я шел самым последним, впереди меня шла Маша. Не без опасений, скользящим движением, поставила она пунцовую свою туфельку на сияющий паркет. Войдя, мы остановились. Я поднял голову – мы были во дворце. Первый раз в жизни. Господи, как все сияло – изнутри, как глаза. И снаружи тоже – отсветами дня морозного и солнечного. Мы подошли к своим.

Я знал, что, окончив школу, Елена Григорьевна собиралась стать учительницей, но у нее не получилось, и вот теперь, достав блокнотик и помедлив, она, казалось, робела, встретившись с юношеской своей мечтой. Решившись, она обратила наше внимание на большую и неоконченную картину. Почти знакомую. По белому мелкозернистому холсту, в центре композиции был хорошо прорисован карандашом светловолосый худенький мальчик с печальным и вопрошающим профилем. Стиснув руки перед грудью, со сбруей на локотке, он стоял перед фигурой в плаще. Лицо взрослого, скрытое капюшоном, было в круге света – святой. Опушка, на которой оба стояли, была еще в карандаше, но дальний лес художник уже начал красками. Из отцовых книг и разговоров я знал, что это – «Видение отроку Варфоломею» - картина нашего земляка Михаила Васильевича Нестерова. «Самая русская», - вздыхали над ее репродукцией отец с Николаем Андреевичем. В нашем музее был неоконченный ее вариант.

«Милые девочки, хорошие мальчики, - начала Елена Григорьевна, волнуясь и не совсем по-учительски, - в четырнадцатом веке, в городе Радонеж жил мальчик Варфоломей, которому очень трудно давалась русская грамота. Однажды, в поисках пропавших лошадей, он заблудился в лесу и встретил там святого старца. Мальчик попросил у него не мирских благ, но помощи в учении и получил благословение схимника. Потом, через много лет, мальчик Варфоломей станет Сергием Радонежским – основателем Троице-Сергиевой лавры и духовным руководителем русского народа». Я посмотрел на маленьких своих товарищей – Маша учтиво слушала, Агарь изображала преувеличенное и стремительное внимание, Степа же смотрел в окно, задумавшись. «Руководителем, как Ленин?» - спросила Агарь. «Да, - отвечала крестная, - у святого Сергия Радонежского был очень большой авторитет – ведь это он благословил московского князя Дмитрия Ивановича – Дмитрия Донского – на Куликовскую битву. На Куликовом поле, у речки Непрядвы решалась судьба еще разрозненной России, которая именно там осознала себя единою. Русских воинов, павших в этой битве, по сей день каждой осенью, в «дмитриевские субботы», оплакивают в русских храмах – оплакивают и за них молятся».

Мы уже медленно подвигались к другой картине, но Маша от нас отстала и вновь подошла к «отроку». Постояла, склонив голову, посмотрела и, не отрывая подошв от пола, быстренько заскользила к нам. Крестная с удивительной нежностью поправила синенький ее бантик. Другие картины мне тоже понравились, особенно красные и голубые муаровые ленты на груди усталых полководцев и пышных скучноглазых дам. Были в музее и нескромные скульптуры – девочки обходили их взглядами, с преувеличенным вниманием рассматривая старинные часы, вазочки и всякие непонятные штучки. Одна из скульптур меня поразила: это были просто две мраморные ручки, вроде бы какой-то царицы. Они лежали на бархотке, под стеклянным колпаком, на высоте удобной только для взрослых. Мы встали на цыпочки. «Обождите», - сказала Елена Григорьевна и вскоре вернулась с табуреткой. Мы по очереди на нее взбирались. Я замер: ручки были, как у Маши – невероятной, нежной, зимней, освещенной солнцем красы. «Слезай уж», - сказала Маша с почти печальным распевом. Я соскочил прямо на Степину ногу – он тихонечко взвыл, а крестная сказала: «Помоги же Машеньке». Я помог, взяв ее за талию. Первый раз в жизни. В музее. Среди старинной красы. Агарь, слезая, восхищалась: «Какие ручки, какие ручки – прям как у нашей Маши». Все согласились, а Маша приняла вид, что ничего не слышала, но я очень хорошо видел – слышала.

Возвращаясь, мы не сговариваясь вновь остановились у «отрока Варфоломея». Казалось, что Елена Григорьевна смущена чем-то, не до конца высказанным, а мы – чем-то, не до конца уясненным. Разговор возобновился, и как-то сам собою возник вопрос, почему священник благословил полководца и почему именно его, если Русь была разобщенной и были другие начальники. Елена Григорьевна вновь воодушевилась: «В те времена, ребятки, церковь была вроде как сейчас коммунистическая партия и имела очень важное государственное значение – без ее разрешения не делалось почти ничего, - она немного успокоилась и продолжила задумчиво: - Поймите, мои хорошие, в то страшное время решался вопрос – быть нам или не быть... И святой Сергей Радонежский понял, что руководить войсками разных княжеств должен, в тех условиях, не самый храбрый и даже не самый мудрый, а самый сердечный. Сергей знал, что еще маленьким княжичем Дмитрий больше отца и матери полюбил нашу святую землю – он даже плакал от любви к Отечеству. И Сергей, во всех междоусобных спорах держа сторону московского князя, не ошибся в своем выборе. Слушайте, детки, слушайте... Восьмого сентября тысяча триста восьмидесятого года, перед самой битвой, князь Дмитрий Иванович сошел с коня, снял с себя великокняжеские доспехи – плащ, латы, шлем, парчовую сорочку, одел простую холщовую рубаху, поклонился черному с золотом образу Спасителя, знамени, перекрестился, взял топор и с непокрытой, как перед Богом, головою, встал в ряды простых ратников. На время битвы он растворился среди них – мужиков с топорами, рогатинами и вилами...» Крестная почти дрожала от тихой, большеглазой восторженности: «Ребятки, почему он так поступил – как вы думаете, скажите?» Немного смутившись ее волнения, мы призадумались. Опустив голову, двигая челкой и мучаясь бровями, Степан размышлял, Агарь, сложив ладони у горлышка, смотрела в большое окно, сияющее голубыми и розовыми узорами, а Маша, вдруг, решила:

«А просто так... он и сам не знал... почему... просто вот... вот – так», - и, стиснув кулачки, она вроде бы распахнула невидимую свою курточку. Маленькая Маша (думаю я сейчас), конечно же, была права: гениальное прозрение Дмитрия Ивановича было следствием не военных или государственных соображений – его вел Господь.

Выполните задание

1. Определите тему данного фрагмента.
2. Кто является героями этого отрывка, какими качествами характера они обладают? Отвечая на вопрос, опирайтесь на текст.
3. Почему Елена Григорьевна так волнуется, рассказывая о далёких исторических событиях? Какую роль сыграл в истории Руси Сергей Радонежский?
4. Какова история картины «Видение отроку Варфоломею», которую рассматривают дети, где она сейчас храниться? Почему в данном фрагменте о ней говорят, как о «самой русской» картине?
5. Как Вы понимаете финал данного фрагмента, ответ Маши и слова героя-повествователя: «Маленькая Маша (думаю я сейчас), конечно же, была права: гениальное прозрение Дмитрия Ивановича было следствием не военных или государственных соображений – его вел Господь».

1. Картина «Видение отроку Варфоломею»

2. Автор, Агарь, Степа, Маша, Елена Григорьевна

3. Я думаю, она так волнуется, потому что она боится допустить ошибку в своем рассказе и тем самым ввести в заблуждение детей. Очень большую, он благословил московского князя Дмитрия Ивановича – Дмитрия Донского – на Куликовскую битву.

4. «Видение отроку Варфоломею» — картина русского художника Михаила Васильевича Нестерова, посвящённая Сергию Радонежскому. На картине изображен мальчик Варфоломей который встретил святого старца: стоял старец под дубом среди поля и совершал молитву. Варфоломей приблизился к нему и, преклонившись, стал ждать окончания молитвы старца. Тот благословил отрока и спросил, чего он желает. Варфоломей ответил: «Всей душой я желаю научиться грамоте». Инок исполнил просьбу Варфоломея, вознес свою молитву к Богу и, благословляя отрока, сказал ему: «Отныне Бог дает тебе, уразуметь грамоту, ты превзойдешь своих братьев и сверстников». Картина хранится в Москве в Третьяковской галерее.

Возможно потому что на ней изображен чистокровный русский мальчик-крестьянин и видно что старец это возможно ангел посланный Богом, он тоже одет в русскую одежду и на заднем фоне видны красивые русские леса.

5. Я понимаю это так, что Маша дала верный ответ на вопрос Елены Григорьевны, и, скорее всего, это также было некое послание для читателя, о том что Господь все видит и он ведет к лучшему пути тех людей, кто достоин.